

НИКОЛАЙ
ЛОБКО

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

ПО СЛЕДАМ ГОСТЯ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Николай Лобко

Вторая встреча. По следам гостя

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Лобко Н. П.

Вторая встреча. По следам гостя / Н. П. Лобко — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-532-4

Николай Прокофьевич Лобко (1908–1979) – замечательный писатель и театральный деятель, мастер остросюжетного жанра. Перед вами – один из ярчайших образцов советского шпионского романа. Все началось с попытки иностранного агента заразить племенной скот в одном из советских животноводческих совхозов. Наши славные спецслужбы срывают планы врага. Но удастся ли им раскрыть шпионскую сеть, которая действует в глубоком подполье. Выиграет тот, у кого крепче нервы, тот, кто разгадает тайну пиковой дамы. Но выйдут ли наши любимые герои живыми из этого незримого боя? «– Гитлеровские шпионы на службе у новых хозяев, – усмехнулся полковник Чумак. – Не ново. Где же Гарри Макбриттен?..»

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-532-4

© Лобко Н. П., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

I. Наследство доктора Синьорелли	6
II. Опасная игра	12
III. Явка с повинной	15
IV. Шестое чувство	20
V. Исчезновение Гарри Макбриттена	24
VI. В поисках следа	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Прокофьевич Лобко

Вторая встреча. По следам гостя

© Лобко Н. П., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

I. Наследство доктора Синьорелли

Сумерки медленно наплзли на город, сгустились и словно поглотили его. Померкла в них яркая зелень каштанов. Точно растаяли в темноте островерхие крыши жилищ. Узкие, кривые улицы опустели. В окнах зажглись огни.

Из ресторана, вход в который освещался двумя матовыми шарами, вышел рослый, слегка сутулящийся мужчина. Он внимательно огляделся по сторонам, будто искал что-то, затем поднял воротник своего чёрного плаща, надвинул широкополую шляпу на брови и уверенно зашагал вдоль обильно смоченного недавним дождём тротуара.

Дойдя до перекрёстка, мужчина на ходу ещё раз огляделся, видимо желая убедиться, что за ним никто не следит, и свернул за угол.

Часы на ратуше пробили десять.

Путник прибавил шаг. Он перешёл на другую сторону улицы, ещё раз свернул за угол и остановился у следующего перекрёстка.

Шипя скатами по мокрому асфальту, дорогу пересекала автомашина.

Мужчина сошёл с тротуара, поднял руку и, когда машина, поравнявшись с ним, остановилась, открыл дверцу.

– Друг, меня ждёт девушка... – начал было он, но водитель прервал его:

– Сегодня обойдёмся без формальностей, Джек. Садитесь.

– Шеф? – с недоумением, едва слышно пробормотал Джек, вглядываясь в лицо водителя, освещённое слабым светом, излучаемым часами, спидометром и другими приборами, установленными на передней панели автомашины.

– Удивлены?

– Нет, – помрачнел Джек, сел в машину и быстро захлопнул дверцу передней кабины. – Скорее огорчён. Я уверен, этот неожиданный сюрприз ничего хорошего мне не сулит.

Шеф довольно усмехнулся. Маленькие глазки на его полном, холёном лице сузились. Он включил скорость, и машина рванулась вперёд.

– Бывают дела, которые я не считаю возможным доверять своим помощникам, хотя они и старательные парни, – пояснил он, выводя автомашину на широкое шоссе.

– Но вы могли вызвать меня к себе, – заметил Джек.

Хозяин машины засмеялся:

– Вы плохо знаете мой кабинет, Джек. Стены его обладают чудеснейшим свойством – они слышат. А у меня сегодня появилось желание поговорить с вами наедине. Вы не против?

Джек промолчал. Насупив широкие, сросшиеся над переносицей чёрные брови, он сидел, уткнувшись тяжёлым подбородком в грудь, и угрюмо смотрел на убегающий под колёса автомашины освещённый фарами асфальт.

Промелькнули последние дома города, а машина, не сбавляя хода, мчалась дальше.

– Выше голову, старина! – покосился на Джека шеф. – На этот раз ничего опасного. Небольшая увеселительная прогулка вдоль берегов Средиземного моря. Ницца, Монте-Карло, Неаполь, Палермо...

Немного выдававшаяся вперёд толстая нижняя губа Джека чуть дёрнулась.

– И я буду там играть в казино, любоваться пальмами, флиртовать с южанками и принимать солнечные ванны на Лазурном берегу, – с иронией произнёс он.

– А вы почти угадали, Джек, – улыбнулся шеф, – и я вам завидую. Слово джентльмена! Но не стану вас томить неизвестностью. Вы будете сопровождать Артура Хэвиленда. Молодой принц угля и стали, перед тем как жениться на несравненной мисс Ребозе Чендлер, о чём второй месяц трещат все газеты обоих полушарий, решил последний раз кутнуть. Ну, это понятное желание. Жена хотя и с миллионами, всё равно жена... Вы будете следовать за ним всюду, но никому не мозолить глаза. В том числе и счастливому жениху. Учтите, он ничего не будет знать о вашей благородной миссии. Сделать вас его тенью – идея Хэвиленда-старшего, который с трогательной отцовской заботой печётся о своём единственном наследнике. Поэтому, если молодой принц заметит вас и прильёт, а это в его сиятельном характере, винить вам придётся только себя.

– Понятно.

– Но за жизнь его вы отвечаете головой.

– Это моя единственная и постоянная ставка.

– Чтобы не рисковать этой сомнительной ценностью, вам следовало бы избрать себе другую профессию, друг мой. Скажем, поступить в начальную школу учителем пения.

Шутка показалась шефу удачной, и он захохотал.

– Но не унывайте, Джек. Вам предстоит выпить не один стакан чудеснейшего вина, – весело продолжал он.

Джек хотел что-то возразить, но шеф, продолжая смеяться, приказал молчать, приложив палец к губам. Затем, ловко сняв стекло с часов, укреплённых на передней панели кабины, он остановил их, подвёл машину к обочине дороги и выключил мотор.

– В часы вмонтирован магнитофон, – отведя Джека шагов на десять от машины, объяснил свои действия шеф. – Остроумная штучка ювелирной работы. Наш разговор записан от первого до последнего слова на тончайшую стальную нить.

– Коммунисты? – насторожился Джек.

– О, нет. Коммунисты такими методами брезгуют. Это дело наших друзей. – Последние слова он произнёс с подчёркнутой иронией. – Наши союзники доверяют нам столько же, сколько и мы им.

Вдоль пустынного шоссе дул неприятный, пронизывающий насквозь ветер.

– Понятно, – поёжился от сырости Джек. – Отлично же вы снабжаете их информацией. Сразу чувствуется блестящий опыт, незаурядный ум...

Откровенная лесть, видимо, не смутила шефа. Подвижный, пухлый от жирка, он напоминал преуспевающего бизнесмена в момент заключения выгодной сделки.

– Вот-вот! – самодовольно усмехнулся он. – Учтите это, Джек, когда опять перемахнёте к ним на работу. – И шеф хвастливо продолжал: – Сегодня механик, которого они старательно подсунули мне, задержится в гараже у моей автомашины несколько дольше обычного, чтобы незаметно сменить в магнитофоне катушку со стальной нитью. Ну, а часом позже полковник в известном вам кирпичном доме с мраморными капителями будет внимательно вслушиваться в наши голоса и ликовать, что так ловко меня обставил.

– Значит, поездка на Лазурный берег Средиземного моря...

– Чепуха, конечно. Работа не для вас. Эта легенда для них, чтобы они не рылись в нашем грязном белье, докапываясь, о чём мы говорили в автомашине.

– Та-ак, – протянул Джек. – Что же тогда для меня?

– Для вас? – Шеф взял его под руку и отвёл ещё дальше от автомашины. – Для вас – достойное дело... Поездка в Советский Союз.

Джек вырвал свой локоть из рук начальника и негромко, но членораздельно выговорил:

– В Советский Союз я не поеду. У меня договор...

– Знаю, Джек, знаю. По договору вас не должны посылать туда, но обстоятельства заставляют нас это сделать.

– Меня это не касается.

– Дело очень серьёзное, Джек, если я вынужден говорить с вами ночью, выбрав для этого самое глухое место на всём шоссе. Вы окончили специальную школу, отлично владеете русским языком, на вашем счету десятки изумительных операций, проведённых вами на всех континентах. Вам завидуют, вас ставят в пример, про вас слагают легенды. Я ведь не забыл, за что прозвали вас «Медузой»...

Джек передёрнул плечами и слегка отвернулся. Он не любил вспоминать эту старую историю, когда чуть не поплатился жизнью.

Произошло это неприятное для него событие летом 1940 года, вслед за Дюнкерской катастрофой. Джеку тогда было предъявлено обвинение в том, что он передал гитлеровскому командованию секретные сведения об уязвимых участках в обороне союзников, в результате чего последовало внезапное наступление фашистских войск на фронте от Северного моря до укреплений линий Мажино и чудовищный разгром английских, французских, голландских и бельгийских армий.

Такая суть дела грозила Джеку виселицей.

«Кровь солдат, слёзы вдов и сирот, дым пепелищ вызывают к справедливому мщению, – наперебой трубили газеты. – Пусть свершится правосудие. Смерть предателю!...»

Обвинения строились на личных показаниях пленного фашистского разведчика, который, выдавая всё, что знал, зарабатывал себе помилование и право работать на двух хозяев.

На очной ставке Джек упорно отрицал заявления гитлеровского агента.

– Всё это ложь и провокация, – говорил он.

На суде, перед тем как получить слово для защиты, Джек попросил свидания с фашистским разведчиком. Свидание было ему разрешено здесь же в зале. Продолжалось оно недолго. В конце его Джек обнял своего противника, затем вернулся к своей скамье и начал говорить.

В течение нескольких минут он восторженно расхваливал честность и добропорядочность немца, и наконец, потрясая над головой руками, воскликнул:

– Я был уверен в том, что этот человек найдёт в себе достаточно мужества, чтобы сказать вам правду, сознаться в том, что он обвинил меня напрасно. Господа судьи, умоляю, выслушайте его!..

Фашистский разведчик вскочил со скамьи, но тут же повалился на пол. Когда его подняли – он был мёртв.

Обвинять Джека стало некому. А потому за недоказанностью преступления суд вынужден был оправдать его.

Однако злые языки ещё долго болтали о том, что немец совсем не собирался отказываться от своих показаний, но умер он поразительно удачно для Джека. Это обстоятельство многих смущало и интриговало. И хотя при вскрытии трупа было установлено, что фашист скончался от молниеносного столбняка, они утверждали, что в смерти его крылось что-то непонятное.

Известно, тайна манит людей, словно гипнотизируя, она приковывает к себе их внимание. Однако люди не терпят тайн и каждую из них стараются возможно скорее раскрыть. Если же этого им не удаётся сделать, то готовы поверить любой выдумке, даже сознательно поддаться обману, но только чтобы тайны не существовало, чтобы она никого не тревожила. Видимо, поэтому заговорили о том, что Джек убил фашиста... взглядом!

Предположение было невероятным до нелепости, но ему верили. Основанием для такого суждения служило то самое короткое свидание подсудимого и главного свидетеля обвинения, которое происходило у всех на глазах. Джек своего противника не бил, не резал, ничем не угощал. Говорили они между собой мирно и спокойно и, главное, расстались, на удивление всем присутствующим в зале суда, хорошими друзьями. И вдруг – смерть! Точно по заказу – ни секундой раньше, ни секундой позже. Немец вскочил, но ни одного слова произнести не успел. Это спасло Джека от верёвки.

Тут было над чем задуматься.

Что произошло: счастливая для Джека случайность или тонко рассчитанное убийство, – для всех осталось загадкой. Вскрытие трупа загадки не решило. Врачи констатировали следствие, но не причину.

Вот тогда и вспомнили покрытую прахом давности легенду о страшных горгонах, убивающих взглядом всё живое. Появилось прозвище – «Медуза». Сразу же нашлись очевидцы, которые уверяли всех, что они лично заметили, как блеснули молнией чёрные, будто без зрачков, глаза Джека, когда он, обратившись к судьям, повернулся затем к немцу...

– Вы умеете легко убирать препятствия с пути, – прозрачно намекая на прошлое, продолжал уговаривать шеф. – И вам ли, Джеку Райту, чего-то опасаться?

– Мы зря тратим время, – недовольно буркнул Джек.

– Даже если я назову сумму в пятьдесят тысяч?

– С меня уже достаточно одной попытки пробраться туда. Она хорошо мне запомнилась, – и Джек машинально дёрнул мочку левого уха.

– Спокойствие, Джек. На этот раз всё будет проще.

– Нет.

– Хорошо. Семьдесят.

– Я не хочу делить участь «Серого», Родерро, Чарльстона-старшего, Кнехта...

– Сто тысяч и ни цента больше, чёрт бы вас побрал!

Джек замялся. Затем менее уверенно продолжал:

– Оттуда редко кто выбирается, вам легко обещать любую сумму.

– Вы меня знаете, Джек, – прервал его собеседник, – а я сказал: ни цента больше, – уже раздражённо произнёс он.

Райт помолчал, со злобой посмотрел на своего шефа и вяло спросил:

– Ну... что там за дело?

– Вы славный парень, Джек, – улыбнулся шеф.

– Ладно, – неприязненно оборвал тот.

Начальник не обиделся. Он опять взял Джека под руку.

– Не будем стоять на месте. Любые случайности должны быть исключены. То, что вы узнаете, никто другой услышать не должен...

Словно влюблённые, они прижались друг к другу, склонились головами и медленно пошли вдоль тонущего во мраке шоссе. Усилившийся ветер сердито тербил полы их плащей, но они не обращали на это внимания.

– Вам, конечно, знакомо имя доктора Синьорелли? – очень тихо спросил шеф.

Джек Райт ответил не задумываясь:

– Франческо Синьорелли, – личный друг дуче. После казни Муссолини бежал из Италии и нашёл убежище за океаном. Там занимался научной деятельностью, в результате которой за три с лишним недели почти полностью было истреблено население одного островка, входящего в состав...

– Завидная память, – прервал его начальник. – Оказывается, вы осведомлены больше, чем я предполагал. Ну что ж, это облегчает мою задачу... Доктор Синьорелли умер, оставив в наследство миру безграничную ненависть к коммунизму и... три ампулы.

– И я должен доставить их в Советский Союз.

– Только одну, Джек, только одну...

– Две другие советская разведка успела уже перехватить и обезвредить.

– Как это стало вам известно? – вспыхнул шеф. – Кто сообщил?

– Вы, шеф, – спокойно ответил Джек. – Ведь я высказал только предположение, а вы своим вопросом подтвердили его.

– Чёрт! – рассердился патрон. – Я запрещаю вам проделывать эти дурацкие эксперименты надо мной.

– Слушаюсь, шеф. Так что я должен сделать с последней ампулой доктора Синьорелли?

– Передать её нашим людям.

– И только? – удивился Джек.

– В основном, да. Операция разработана во всех деталях. Риск минимальный. Мы сами позаботимся, чтобы с комфортом доставить вас в один из крупных центров России. Но вас там не будут ждать...

– Но вы сказали...

– Руководитель тройки, работавшей на нас, в конце прошлого месяца погиб.

– Погиб? – недоверчиво переспросил Джек.

– Не сомневайтесь, мы проверили, – поспешил успокоить его шеф. – Напился пьяный и свалился под колёса трамвая... Других людей, – продолжал он, – у нас там нет. Поэтому вам придётся лично связаться с оставшимися членами группы и решить, кому из них передать ампулу. Если окажется, что народ этот не способен выполнить задание или перестал работать на нас, тогда вы сами доведёте дело до конца. Ну, а как поступать с теми, кто перебросился «к ним», не мне вас учить. Вот поэтому мой выбор и пал на вас, Джек, – льстиво закончил патрон.

– Что вы называете «концом»? – сухо спросил Джек.

– Ампулу нужно разбить на территории крупного животноводческого хозяйства, которое поставляет племенной скот во все концы страны. «Они» называют эти хозяйства совхозами. Местонахождение его мы вам укажем.

– Почему животноводческого?

– Я не специалист по этому вопросу, но думаю – таинственные бактерии доктора Синьорелли в первую очередь действуют на животных...

– А затем поражают и людей, – добавил Джек.

– Возможно. Точно я ничего не знаю. После смерти Франческо Синьорелли никто из бактериологов его ампулами не занимался. Это наследство имеет прямой адресат.

– Словом, мне поручается повторить опыт, проделанный этим сумасшедшим доктором на острове, но только в значительно большем масштабе. Ведь скот, вы говорите, направляется во все концы страны. Значит это дело будет посерьёзнее того, которое мы недавно начали и так бесславно провалили.

– Ну зачем, Джек, об этом вспоминать в такое время?..

Шеф остановился, укоризненно посмотрел и развёл руками, точно хотел сказать, что разговор идёт о безобидных вещах.

– С тех пор как Советский Союз вместе со своими союзниками поднял борьбу за мир, работать стало очень трудно. Симпатии на их стороне...

Он вдруг сделал порывистое движение вперёд, увлекая за собой Джека, и начал скороговоркой, словно боялся, что ему не дадут высказаться:

– Но главное состоит в том, что открытое нападение сейчас на Советскую Россию чревато серьёзными последствиями. На удар последует ответный удар, и кто знает, какой из них будет решающим. Диверсия на каком-либо заводе, шахте, электростанции для современной промышленности коммунистического государства – булавочный укол...

– И потому нашим боссам пришлось вспомнить наследство доктора Синьорелли, чтобы повторить его опыты, а затем вести работу дальше? Так?

– Нет, нет. В этом деле наши боссы ни при чём. Это частное предпринимательство. Личная инициатива того, кто платит.

– Ах вот как! Значит, кроме вас и меня, об этом знает ещё только один человек. Я правильно понял?

– Да.

– Следовательно, если бы я отказался от предложения, вы бы меня здесь пристрелили, шеф?

– Ну зачем, Джек, такие мрачные мысли?

– Я так и думал. – Джек усмехнулся и протянул шефу тускло блеснувший в темноте пистолет. – Возьмите обратно вашу игрушку. Мы договорились.

Шеф схватился за пустой карман своего плаща и засмеялся.

– Люблю вас, Джек, за ум. Вы неповторимы! Но оставьте эту, как вы сказали, игрушку себе на память о нашем разговоре. Высоко ценя ваши способности, я, на всякий случай, второй пистолет спрятал в рукаве.

II. Опасная игра

Антонина Ивановна пекла блины на двух сковородках, когда кто-то осторожно постучал во входную дверь.

«Ах, как не вовремя», – с досадой подумала она, боясь оторваться от своего занятия.

Невестка, обычно помогавшая ей во всех домашних делах, ещё не вернулась с работы, внук ушёл во Дворец пионеров, где в свободное от учёбы время мастерил авиамодели, а сын хотя и был дома, но находился в комнате, отделённой от кухни коридором. Там был включён радиоприёмник, и звуки весёлой песни заглушали стук в дверь.

А стук немного погодя повторился.

Антонина Ивановна поддела ножом блин, перевернула его на другую сторону и, сделав шаг к коридору, крикнула:

– Костя, стучат!

Сын вышел из комнаты в расстёгнутой нижней рубашке, с намыленной щекой и с бритвой в руке.

– Ты что, мама?

– Стучит кто-то, открой.

– Не слышал, – улыбнулся он, щёлкнул английским замком и открыл дверь.

На лестничной площадке, ярко освещённой косыми лучами клонящегося к западу июньского солнца, стоял высокий блондин средних лет.

– Простите, пожалуйста, мне бы хотелось видеть Константина Павловича Рогулина, – немного картавя, произнёс он.

– Я – Рогулин.

– Очень приятно. Андреев – доцент пединститута, – приподняв над головой шляпу, представился блондин. – Я к вам по личному делу. Мне сказали, что у вас имеется томик уникального издания стихотворений Николая Алексеевича Некрасова, 1853 года.

Рогулин побледнел, лицо его вытянулось. Он испуганно скользнул взглядом по лестнице – на ней никого не было видно, но сверху доносились чьи-то приближающиеся шаги, оглянувшись в сторону кухни, где мать пекла блины, и кивнул головой:

– Входите.

Андреев шагнул в коридор, и Рогулин торопливо закрыл за ним дверь.

– Налево, – отрывисто произнёс он.

Доцент послушно направился в комнату и, переступив порог, скромно остановился. Следом вошёл Рогулин, плотно прикрыл дверь и, привалившись к ней спиной, резко спросил:

– Зачем вы пришли?

Андреев застенчиво улыбнулся и непонимающе развёл руками:

– Мне сказали, что у вас имеется томик уникального издания стихотворений Николая Алексеевича Некрасова, 1853 года.

– Я уплатил десять тысяч рублей, которые с меня требовали, и не хочу больше иметь с вами никаких дел, – с ненавистью глядя на доцента, сквозь зубы процедил Рогулин.

– Не понимаю вас, Константин Павлович, – пожал плечами Андреев и ещё раз подчёркнуто повторил: – Мне сказали, что у вас имеется томик уникального издания стихотворений Николая Алексеевича Некрасова, 1853 года.

– К сожалению, вы не ошиблись. Это, действительно, я.

Константин Павлович отошёл от двери, швырнул на стол бритву и, схватив висящее на спинке стула полотенце, вытер им с лица мыльную пену.

Андреев терпеливо молчал, подслеповато щурил глаза и выжидающе смотрел на хозяина квартиры.

А тот, видимо, с трудом сдерживая раздражение, тяжело перевёл дыхание.

– У меня был четвёртый том издания 1856 года, но я продал его на той неделе, в субботу, – глухо произнёс он.

Нижняя губа гостя немного выдвинулась вперёд, едва заметно подалась в сторону, и он удовлетворённо кивнул головой.

– Но с этим кончено, – решительно заявил Рогулин. – Уходите.

Он повернулся к радиоприёмнику и выдернул вилку из электрической розетки. Песня оборвалась на полуслове. В открытое окно, завешенное старенькой тюлевой занавеской, со двора донеслись победные крики мальчишек, играющих «в Чапая».

Андреев чуть заметно усмехнулся, открыл дверь, но не ушёл, а только выглянул в коридор. Плотно закрыв её, он положил шляпу на стол, затем внимательно оглядел с порога вторую комнату, которая, очевидно, служила хозяевам спальней, подошёл к радиоприёмнику, включил его, но звук немного приглушил. Делал он всё это неторопливо, как человек, уверенный в том, что поступает правильно и что ему никто мешать не станет.

Подойдя к хозяину, он учтиво улыбнулся.

– Я, вероятно, не в курсе дела, дорогой Константин Павлович, – любезно заговорил он. – Меня просили узнать, действительно ли у вас имеется уникальный томик Некрасова, и если это так, то предложить вам за него любую сумму. Вы, надеюсь, понимаете меня? Любую. Назовите цифру, и, я уверен, мы не станем торговаться.

– Плевать мне на ваши цифры, – грубо оборвал его Рогулин. – Один раз я попался. Но и тогда не за деньги продался – смерти испугался, страшно показалось. Вот, – он провёл рукой по коротко остриженным седым волосам. – А мне ведь только тридцать восьмой. Эсэсовцы шесть раз на расстрел водили... Но теперь всё, второй раз на тот путь не стану.

– Здесь какое-то недоразумение, Константин Павлович, – мягко возразил Андреев. – Боюсь, вас обманули.

– То есть как это... обманули? – испугался Рогулин.

– Вы упомянули о каких-то десяти тысячах... Я не знаю, что вы хотели сказать, но догадываюсь... Однако вам отлично известно, что те, кому нужен уникальный томик стихов Некрасова, не нуждаются в деньгах. Они сами платят.

– Мне показали письмо...

– Вы смелый человек, Константин Павлович... А я вот не могу решиться. Чувствую – надо, а мужества не хватает. Но беседа с вами, кажется, не останется напрасной. Я не забуду, как вы... – Он выразительно кивнул в угол, где лежала бритва, и хихикнул: – Но я не сержусь... Я постараюсь там объяснить, и, может быть, всё для вас обойдётся благополучно. Мне ведь что? Приказали, я и пошёл...

В коридоре послышались шаги.

– Кажется, мамаша идёт, – проговорил спокойно Андреев и взял со стола шляпу. – Мы с вами, Константин Павлович, надеюсь, останемся друзьями и не будем дурно вспоминать нашу случайную размолвку, – продолжил он, подавая руку Рогулину.

Антонина Ивановна видела, как прошёл в комнату незнакомый мужчина и следом за ним её сын. Никакого значения этому она, конечно, не придавала. Мало ли кто мог прийти!.. Она спокойно продолжала печь блины и вдруг услышала, будто сын повысил голос. Мать насторожилась: «Кажется, спорят...» Но из-за двери опять доносились лишь звуки радио, и Антонина Ивановна успокоилась. Однако спустя некоторое время она уловила резкий выкрик.

«Что-то там неладно», – решила она, допекла блины, что были на сковородках, и поспешила в комнату.

Вошла она как раз в тот момент, когда сын и мужчина, прощаясь, жали друг другу руки. Лицо сына было возбуждено, однако расставались они мирно и даже любезно.

– До свидания, Константин Павлович, – негромко сказал гость.

Затем он повернулся к Антонине Ивановне и, приподняв перед собой шляпу так, что она закрыла всю нижнюю часть его лица, низко поклонился и бочком выскользнул в коридор. Там мелькнула его спина с широкой складкой, заглаженной на пиджаке, и исчезла. Это произошло так быстро, что Антонина Ивановна не успела даже разглядеть посетителя. Запомнились только его светлые волосы, пёстрый галстук да подслеповато прищуренные глаза.

За мужчиной в коридор последовал сын.

Антонина Ивановна слышала, как гость ещё раз учтиво произнёс: «До свидания». Сын что-то буркнул в ответ, но так, что она, не разобрав слов, поняла – он чем-то недоволен. Затем хлопнула входная дверь, и сын возвратился в комнату.

– Кто это приходил? – поправляя занавеску, безразличным тоном спросила Антонина Ивановна, хотя ей не терпелось узнать, что взволновало сына. Как каждой матери, ей казалось, если она узнает, какие неприятности грозят сыну, то непременно найдёт способ помочь ему.

– Так, знакомый один, – нехотя ответил он, поднял бритву и начал править её на ремне.

– Но вы... спорили.

– Тебе показалось.

Сын явно не хотел отвечать на расспросы.

Она поняла это и, скрыв обиду, поспешила на кухню. Не успела она дойти до неё, как услышала, что в комнате что-то грузно повалилось на пол.

«Наверное, фикус с подоконника уронил. Вечно кладёт там свой ремень», – гневно подумала Антонина Ивановна и громко спросила: – Костя, что там у тебя?

Сын не ответил.

Оскорблённая его невниманием, она ещё некоторое время провозилась у плиты, затем открыла дверь в комнату и в ужасе остановилась.

На полу скорчившись лежал сын.

Антонина Ивановна бросилась к нему, приподняла его голову и вскрикнула.

Сын был мёртв.

III. Явка с повинной

– Что же вас привело к нам сегодня? – спросил майор Кочетов, внимательно вглядываясь в бледное, покрытое розоватыми пятнами, взволнованное лицо девушки, сидевшей перед ним по другую сторону стола.

– Я уже сказала вам, – посетительница дышала глубоко, говорила отрывисто, как человек, уставший от непосильной ноши. – Меня обманули... Когда моего отца посадили, я не знала, что мне делать, как быть. Кроме него, близких родственников у меня не было. Отчаяние охватило меня. Мне казалось, что все относятся ко мне с презрением и только делают вид, что не чуждаются. В каждом неосторожно сказанном слове я улавливала оскорбляющий меня смысл. Это привело к тому, что я замкнулась, стала сторониться даже своих лучших друзей. Вот тогда и пришли двое незнакомых мужчин, объявивших себя фронтовыми товарищами моего несчастного отца.

Девушка открыла сумочку, нащупала в ней носовой платок, но так и не вынув его, снова защёлкнула замок.

– Они заверили меня, что мой отец ни в чём не виновен, и обещали помочь ему, используя для этого своё высокое служебное положение. Но чтобы им начать действовать, я должна была обратиться к одному из них с письменным заявлением. Я тут же, под их диктовку, написала заявление, в котором просила помочь невинно осуждённому отцу. В заключение я клялась верно служить Родине и её святому делу. Мне не понравился выпендренный и в то же время расплывчатый тон такого заверения. Но мне сказали, что так нужно, и я не стала спорить. На прощание они оставили мне деньги. Я хотела от них отказаться, так как незадолго перед этим поступила лаборанткой в тот же институт, в котором училась. Но они настояли на своём, утверждая, что деньги обязательно потребуются на помощь отцу. Я написала расписку, и они ушли.

– И вам было невдомёк, с какой целью приходили эти мужчины? – спросил майор.

– Нет. Возможно моё состояние... или потому, что они были так внимательны к моему горю и любезны, но я ничего дурного не заподозрила.

– Продолжайте.

– В томительном ожидании прошло месяца два. За это время я уже точно узнала, что отец был осуждён по делу о крупной растрате на базе, которой он руководил. Как-то поздно вечером ко мне неожиданно явился один из мужчин, назвавшихся фронтовыми товарищами отца, сообщил, что сделать для папы пока ничего не удалось, но надежды на успех терять не следовало. Затем он сказал, что тому влиятельному лицу, на имя которого я писала заявление, потребовался точный список работников лаборатории. Я заподозрила, что тут не всё ладно, и отказалась выполнить требование. Тогда мужчина объяснил мне, что моё заявление и расписка на деньги будут предъявлены в соответствующие органы и это может отразиться на положении отца, которое и без того тяжёлое. Полученные деньги я бережно хранила, думая, что они могут потребоваться в любую секунду. Я тут же выложила их на стол. Но мужчина только засмеялся.

– И вы пошли на преступление? – строго спросил Кочетов.

– Да, – почти беззвучно произнесла девушка. – Он обещал мне вернуть написанные мною документы, если я дам ему список. Боясь повредить отцу, я сделала это. Так началось моё падение...

– Что же было дальше?

– Расписку мне не вернули. Вербовщики, я потом поняла, что это были они, куда-то исчезли, предварительно познакомив меня со связным, которому я обязана была во всём подчиняться... Медленно проползли четыре года. Связной беспокоил меня редко, да и то больше, как он выражался, «для порядка, чтоб не забывалась». И вдруг вернулся отец. Радости моей не

было конца. Папа сказал, что пятно, которое на нём есть, он смоет, будет трудиться не покладая рук. Я смотрела на него с гордостью, восхищалась им... И вот тогда особенно остро поняла я всю мерзость своей ошибки и решила её исправить... насколько это окажется ещё возможным.

Последнюю часть фразы девушка промолвила потупясь и едва слышно. Красивые, длинные пальцы её нервно перебирали край спустившегося с плеча шёлкового шарфика.

– А становясь на путь предательства, разве вы не понимали глубину своего падения? – с едва заметной укоризной поинтересовался майор.

Глаза девушки под приспущенными ресницами испуганно забегали из стороны в сторону.

– Понимала. Но у меня было такое состояние... Я знаю, вы скажете, что никто другой в положении, подобном моему, не совершил бы такого проступка. Но со мной так случилось.

«Искренний ответ, – отметил про себя майор. – Тут ей представлялось широкое поле для сердцепипательной мелодрамы, чтобы попытаться растрогать и расположить к себе следователя».

Однако он стремился с предельной ясностью уточнить причину, побудившую девушку «открыться» – явиться с повинной, и потому, будто вскользь, напомнил:

– Но, по вашим словам, отец ваш находится дома четвёртый месяц.

– Три месяца и шестнадцать дней, – уточнила девушка.

– Это время вы что же – раздумывали, сомневались, не могли сразу решиться?

Девушка отрицательно покачала головой:

– Меня, вероятно, арестуют и осудят. Я виновата перед Родиной... В общем, я не хотела приходить с пустыми руками.

Кочетов, внешне оставаясь спокойным, внутренне насторожился.

– Не понимаю, объясните, – попросил он.

– Мне очень не повезло, – вздохнула девушка и кончиком языка смочила пересохшие губы. – Я хотела сдать вам того, кому была подчинена. Но он спился и бросился под трамвай на другой день после того, как возвратился отец домой. Потом – не хочу скрывать – я надеялась, что меня не станут беспокоить и всё забудется. Но сегодня мне позвонили и назвали пароль.

– Какой?

– Мне сказали, что «у вас имеется томик уникального издания стихотворений Николая Алексеевича Некрасова, 1853 года».

– Что вы ответили?

– «У меня был четвёртый том издания 1856 года, но я продала его на той неделе, в субботу».

– Это отзыв на пароль?

– Да.

– Кто звонил?

– Не знаю. Голос мужской, незнакомый, немного картавит.

– Что он вам сказал?

– Чтобы я пришла в кинотеатр «Художественный» на сеанс, который начинается в 19 часов 30 минут.

– Вы согласились?

– Да.

– Как вы узнаете этого человека?

– Он сам подойдёт ко мне.

– Где? Когда?

– Не знаю.

Кочетов взглянул на часы. Стрелки показывали двадцать шесть минут седьмого.

– Когда он позвонил вам?

– В пять тридцать. Я тут же поспешила к вам, но пока ждала трамвай... ехала...

– Ясно.

Майор быстро дописал протокол и, кладя его перед девушкой, сказал:

– Прочитайте внимательно. Если у вас не будет возражений против того, что здесь изложено с ваших слов, подпишите.

Она скользнула глазами по записям, схватила со стола ручку и, задирая пером бумагу, разбрызгивая чернила, торопливо расписалась.

Профессиональный опыт давно научил Кочетова не спешить составлять мнение о человеке, не поддаваться первому впечатлению, однако, наблюдая за девушкой, он в душе искренне пожалел её.

«Молодо-зелено...»

Он нажал кнопку электрического звонка.

Дверь тут же открылась, и в комнату вошёл лейтенант.

– Проводите гражданку Забелину в соседнюю комнату, – приказал ему майор.

Лейтенант сделал шаг в сторону от двери.

– Прошу.

Забелина с беспокойством посмотрела на Кочетова.

– Но, товарищ... гражданин майор, я думала... – начала было она, однако он мягко прервал её:

– Не волнуйтесь, все необходимые меры будут приняты нами. Идите и постарайтесь успокоиться.

Девушка вскочила со стула. Чтобы не разрыдаться, она закусила кончики пальцев и почти выбежала из комнаты.

Следом за ней вышел лейтенант.

Майор снял трубку внутреннего телефона.

– Пятый... Товарищ полковник, докладывает майор Кочетов.

Он коротко, но очень точно изложил суть дела. Получив приказ немедленно явиться, сунул протокол в папку и поспешил к двери.

Спустя несколько минут майор Кочетов был уже на пороге кабинета полковника.

– Разрешите.

Полковник Чумак в ответ кивнул головой. Старый, опытный чекист за тридцать лет непрерывной службы привык быстро ориентироваться в самых неожиданных и сложных обстоятельствах. Среднего роста, седой, грузноватый, с усталыми, но добрыми глазами, он стоял возле стола и отдавал распоряжение своему секретарю. Полковник, видимо, успел уже в общих чертах составить план предстоящей операции.

– Свяжитесь с Колесниковой, – говорил он, – она дома, пусть немедленно отправляется в кинотеатр «Художественный» на сеанс 19.30. Объект наблюдения ей укажет Иванов. Предупредите его об этом. Пригласите ко мне Самойлова, Рудницкого, Фомина, Буслаева и Печерицу. Всё. Выполняйте.

Секретарь выпрямился, повернулся и быстро вышел.

– Как Забелина? – обратился полковник к майору Кочетову.

– Волнуется, но держится, – поняв, что интересуется полковника, ответил майор.

– Добро. Но вот что неясно – зачем этот тип предупредил её о свидании за два часа?

– Вероятно, чтобы она могла свободнее подготовиться к нему, найти подходящую причину для объяснения домашним своей отлучки.

– Отлучки? Гм, – усмехнулся полковник. – Слабое предположение. Моя Елена, когда ей нужно уйти из дому, просто заявляет: «Меня ждут подруги!» и уходит. Думаю, она не исключение. Взрослая девушка не канарейка в клетке. У неё свои интересы, общественные обязанности, секреты... И вот ещё: после телефонного разговора Забелина тут же отправилась к нам?

– Так точно.

– А это уж совсем плохо. Очень плохо. М-м да, – задумчиво произнёс полковник и прошёлся по кабинету. – Но, к сожалению, ничего другого сейчас мы предпринять не можем. Подпирает время. – Он подошёл к майору и остановился. – Во дворе у заднего крыльца ждёт машина. Доставьте на ней Забелину поближе к кинотеатру, успокойте девушку. Скажите ей, что при разборе дела будет учтено её добровольное признание своей вины. К нам она пусть не возвращается. Когда нужно будет – мы её пригласим. Постарайтесь узнать, не заметила ли она, чтобы кто-то за ней следил в последние дни и, что особенно важно, когда она направлялась к нам. Высадив Забелину из автомашины, возвращайтесь сюда. Всё понятно?

– Понятно, товарищ полковник.

Девушка была крайне удивлена, когда услышала от майора, что, выйдя из машины на Демидовской улице у булочной, она пойдёт дальше к кинотеатру одна.

– Как же это? – едва слышно прошептала она и недоверчиво покосилась на сидящего за рулём Кочетова.

– Вам сейчас представляется большая возможность доказать степень своего раскаяния, – пояснил он.

– Я докажу, – загорячилась девушка. – Вы вправе не верить мне, но я готова на всё, чтобы искупить свою вину, убедить в искренности моих слов. Я... я готова на всё, я готова на смерть...

– Перестаньте, – одёрнул её майор, – не время для истерик. Умереть проще всего, Забелина, а вы найдите в себе достаточно сил, мужества, решимости для борьбы за жизнь. Мы сейчас выходим на след, операция только начинается, и никто ещё не знает, когда и как она кончится, какого напряжения воли потребует.

– Вы можете во мне не сомневаться. Только прошу, скажите, что мне делать?

– Пока то, что я уже объяснил вам. Вы должны выйти из автомашины возле булочной, зайти в магазин, купить сайку и затем отправиться в кинотеатр. В какой руке вы обычно носите свою сумочку?

– В правой, – девушка подняла руку, в которой держала сумку.

– Когда к вам подойдёт этот субъект, переложите её в левую.

– Хорошо.

– А в остальном ведите себя на улице, в театре, дома, в институте...

– В институте? – удивилась она.

– Да, в институте, вы ведь сами сказали, что работаете там и учитесь, – ободряюще улыбнулся Кочетов и продолжал: – Ведите себя так, будто никогда к нам не заходили. Не пытайтесь помогать нам. Не зная точно наших планов, вы можете, не желая того, испортить задуманное дело. В нужный момент мы сами найдём способ связаться с вами.

– Ясно, – одними губами произнесла Забелина. Она не верила своим ушам. Значит её не арестуют? Ей доверяют?..

Майор повернул машину за угол и, переключив скорость, спросил:

– Скажите, вы случайно не заметили, последние дни никто не отслеживал вас?

– Нет, не заметила, – ответила Забелина и вдруг вспыхнула: – А почему вы об этом спрашиваете? Вам, наверное, всё обо мне давно известно, и за мною было установлено наблюдение... Но, уверяю вас, я ничего не знала. Я пришла к вам по своей воле, потому что иначе не могла поступить.

– Верю. Значит и сегодня, когда вы шли к нам, за вами никто не наблюдал?

– Не знаю. У меня было такое состояние... У ворот дома я едва не сшибла с ног мужчину. Получилось очень неловко. У него свалились очки, шляпа упала в лужу. Я, кажется, не извинилась.

– Как вёл себя этот человек?

– Мы оба растерялись от неожиданности, и обоим было жалко угодившую в лужу шляпу. Она такого... светло-серого цвета.

– Но как он оказался у ваших ворот?

– Шёл мимо. На нашей улице всегда полно народу.

– Приближаемся к булочной, – напомнил майор. – Вам сейчас выходить. Как себя чувствуете?

– Всё в порядке. Я поняла, что от меня требуется...

Кочетов остановил машину.

Забелина легко выскочила на тротуар и, небрежно помахивая шарфиком, который она держала в левой руке, вошла в булочную.

IV. Шестое чувство

Явившись к полковнику, майор Кочетов передал ему свой разговор с Забелиной.

Чумак слушал, хмурясь и нетерпеливо разрывая клочок бумаги на мелкие части. Эта привычка – мельчить бумагу – появилась у полковника недавно и сказывалась в моменты сильнейшего внутреннего возбуждения.

Майор понял: что-то волновало его начальника.

– Значит, она твёрдо убеждена в том, что за ней никто не следил? – переспросил Чумак.

– Убеждена, товарищ полковник.

– Добро.

Полковник собрал обрывки бумаги, стиснул их в кулаке и швырнул в плетёную корзинку.

– Садись, Григорий Иванович, – переходя на неофициальный тон, устало сказал он. – Хочешь, кури. Сейчас начнётся сеанс. Забелина уже в театре. Она сидит в шестнадцатом ряду, Колесникова – в восемнадцатом.

Кочетов опустил в кресло, достал из кармана трубку, спички, но не закурил.

«В чём дело? Что тревожит полковника?» – спрашивал он сам себя.

Многие годы совместной работы связали полковника Чумака и майора Кочетова узами крепкой дружбы, основанной на глубоком взаимном уважении.

Впервые встретились они на далёкой пограничной заставе, куда Кочетов прибыл для прохождения военной службы.

Молодому солдату, жившему до этого в крупном, шумном городе, на заставе не понравилось. Учёба, наряды, отдых, казалось, чередовались с утомительным однообразием. Григорий Кочетов загрустил. Товарищи попробовали было его подбодрить, но из этого ничего не получилось. По натуре немного скрытный, он стал избегать их, дичиться. Вот тогда и появился возле Кочетова политрук заставы Чумак. Все пограничники в нём души не чаяли, по его единому слову готовы были, как говорится, идти в огонь и в воду.

Не сразу политруку удалось найти общий язык с тоскующим солдатом.

«Перевоспитать старается», – слушая политрука, обиженно думал Кочетов, злился на него и, когда можно было, упрямылся.

А политрук будто ничего не замечал. Он знал: тоска – чувство устойчивое, не сразу проходит.

Встречаясь, он говорил о простых, обыденных вещах. Больше интересовался городом, в котором до службы в армии жил Кочетов, его семьёй.

Незаметно у солдата и политрука появились свои «секреты».

Получит, бывало, Кочетов письмо, а Чумак спросит:

– Ну, как там с экзаменами?

– Да нет, это мать пишет, – пояснит Кочетов.

– А-а, Евдокия Григорьевна! Будете отвечать, передайте ей, пожалуйста, от меня большой привет и сестре не забудьте поклониться.

– Спасибо, напишу.

– Про какие экзамены спрашивал политрук? – интересовались товарищи.

– Будете много знать, скоро состаритесь, – отшучивался Кочетов.

Но потом как-то признался, что речь шла об одной знакомой девушке, которая готовилась поступить в институт. Сказал он это небрежно, как о деле малозначащем, но товарищи поняли:

– Любишь её?

И никто при этом не засмеялся, не стал над ним трунить. Наоборот, многие признались, что их дома тоже ждут невесты, показали письма от них, фотокарточки.

Вся застава ликовала, когда, наконец, пришло письмо, в котором Зоя сообщала, что экзамены она сдала успешно и зачислена студенткой на первый курс педагогического института.

– Теперь очередь за вами, товарищ Кочетов. Вы должны порадовать её своими успехами, – сказал политрук, лукаво улыбнулся и ушёл.

Такой оборот дела оказался совершенно неожиданным для Кочетова и страшно его озадачил. Остался он один со своими невесёлыми думами. Будто день помрачнел, не радовало даже долгожданное письмо.

– Как быть? Что ответить?..

С такими вопросами спустя несколько дней он и обратился к политруку.

– А вы так и напишите – успехов, мол, пока нет, но они скоро будут, – посоветовал тот и добавил: – Если, конечно, надеетесь, что на это хватит у вас силы и воли, иначе – обманете любимую девушку, а этого делать не следует.

Кочетов промолчал.

Политрук удивлённо посмотрел на него.

– Почему молчите? Не уверены в себе?

– Не знаю, – признался солдат. – Не могу и не получается у меня.

– Ой, как плохо, – упрекнул его Чумак. – Человек должен уметь во всём одерживать победу, в большом и малом. Вот послушайте...

Разговор происходил на крыльце дома, в котором жил политрук.

Чумак быстро направился в комнаты и скоро вернулся с небольшой книжкой в красном сафьяновом переплёте.

Он усадил пограничника рядом с собой на ступеньки крыльца, открыл книгу и, найдя нужное место, прочитал:

– «Сегодня я опять в камере. Я не сомневаюсь в том, что меня ждёт каторга. Выдержу ли я? Когда я начинаю думать о том, что столько дней мне придётся жить в тюрьме, день за днём, час за часом, по всей вероятности, здесь же в X павильоне, мною овладевает ужас, и из груди вырывается крик: „Не могу!“ И всё же я смогу, необходимо смочь, как могут другие, как смогли многие вынести гораздо худшие муки и страдания. Мыслью я не в состоянии понять, как это можно выдержать, знаю лишь, что это возможно, и у меня рождается гордое желание выдержать...»

– Гордое желание выдержать, – потрясённый услышанным, прошептал Кочетов и спросил: – Кто это написал так?

– Дзержинский.

– Дзержинский?

– Да. Лучший из чекистов.

Солдат задумался.

– Даже мороз по коже продрал, – передёрнув плечами, признался он. – Какая сила!.. Это, конечно, ни в какое сравнение с моей блажью не идёт. – добавил Кочетов и улыбнулся: – Я сейчас же напишу Зое...

С этого дня пограничника Кочетова словно подменили.

– А ведь и к тебе политрук ключик подобрал, – при случае добродушно подшучивали товарищи.

– А почему бы мне хороший совет от доброго человека не принять! – смеясь, отвечал Кочетов...

Затем пришла тёмная осенняя ночь.

Порывистый ветер хлестал лицо противной, холодной изморосью.

Чутко прислушиваясь к каждому звуку, крепко сжимая в руках винтовку, за толстой сосной притаился молодой пограничник.

На соседнем участке тревога. Оттуда доносятся частые и беспорядочные выстрелы.

Пограничник, вглядываясь в темноту, шарит взглядом каждый едва распознаваемый куст.

И вдруг метрах в тридцати мелькнула чуть заметная тень.

«Чужой!.. Свой знает другие тропы, – словно электрический ток проносится в сознании. – Граница рядом – медлить нельзя!»

Пограничник вскидывает винтовку.

– Стой!

Тень, точно призрак, метнулась в сторону.

Кочетов нажимает на спусковой крючок и стреляет раз, другой, третий.

На выстрелы прибежали пограничники с собакой и там, куда стрелял Кочетов, нашли шапку, у нижнего края которой мех был разорван пулей и измазан кровью.

Но почему кровью? Ведь пуля только оцарапала шапку, но не пробила её.

Разгадка пришла позднее, когда был изучен план, который намеревались осуществить нарушители границы.

Расчёты их были просты. Спровоцировав перестрелку в заранее намеченном пункте, они тем самым надеялись создать благоприятные условия по соседству для прохождения в этом месте границы крупным диверсантом. Однако пуля пограничника сорвала их замысел. Раненый в левое ухо, перепуганный диверсант вынужден был вернуться туда, откуда шёл.

А ещё несколько позднее стали известны и детали. Матёрый шпион, имя которого тоже удалось установить, оказывается был ранен в мочку левого уха.

Бдительному пограничнику командование перед строем объявило благодарность.

Кочетов, выслушав её, отчеканил:

– Служу Советскому Союзу!

Но потом вздохнул и, будто виноватый, потупил глаза.

После команды: «Разойдись» политрук подозвал его к себе.

– Вы чем-то недовольны, товарищ Кочетов?

– Не жалуюсь, товарищ политрук.

– Говорите откровенно. Что у вас?

– Благодарность, конечно, дело приятное, но только не заслужил я её. Промазал ведь...

Чумак посмотрел на насупившегося пограничника и довольно улыбнулся.

– Приказы не обсуждаются, но по секрету скажу – мне нравится, что вы так думаете. Теперь я твёрдо знаю, что в другой раз врагу от вас не уйти. Ведь это у вас был первый, да ещё какой, опытный зверь! Но впереди не один этот, а может, доведётся и с этим встретиться...

Так постепенно рождалась и крепла их дружба.

Незаметно для себя к концу службы Кочетов так сильно полюбил вечно настороженную жизнь на границе, что подал рапорт с просьбой оставить его на сверхсрочную. Затем он окончил военное училище и, как говорил тогда, «навсегда закрепился за вверенной заставой».

Нежданно грянула война, и Кочетов отправился на фронт. Три раза был ранен, выжил и дошёл до Берлина. Путь этот был не лёгок. Но куда бы фронтовая жизнь ни забрасывала Кочетова, что бы с ним ни случилось, связи с Чумаком не терял. На всю жизнь запомнился этот скромный офицер, читающий книжку в красном сафьяновом переплёте.

После войны Кочетов вернулся в родной город и был направлен на работу в органы государственной безопасности.

И вдруг радостная неожиданность – его непосредственным начальником назначен полковник Алексей Александрович Чумак.

Так судьба опять свела их вместе.

Майор Кочетов считал полковника своим учителем, а полковник не без основания гордился своим учеником, грудь которого в четыре ряда украшали орденские планки.

Полковник и майор понимали друг друга с одного взгляда, с полуслова...

Но вот сейчас, сидя в кабинете Чумака, Григорий Иванович Кочетов недоумевал:
«Чем недоволен полковник?»

Операция предстояла не очень сложная. За неизвестным, который подойдёт в кинотеатре к Забелиной, нужно было установить наблюдение. Ну что ж, ничего особенного это не представляло. Конечно, после свидания он, на всякий случай, постарается запутать следы. Будет менять транспорт, вскакивать на ходу в трамваи, неожиданно покидать автобусы, «нырять» в подъезды. Но укрыться ему не удастся. В театре находились опытные работники, которым были отлично известны все эти уловки. Даже если предположить, что неизвестному удалось проследить, куда отправилась из дому Забелина, и он, испугавшись, не явится на свидание, то он всё равно будет найден. Как? Сейчас трудно сказать. Но не он первый, не он последний...

Полковник, просматривая документы, лежавшие на столе, то снимал, то надевал очки.

– Что-то глаза режет, – недовольно бурчал он. – Видно, пора на отдых. Был конь, да изъездили.

«Хандрит Алексей Александрович, – глядя на него, думал Кочетов. – С чего бы это? Или „шестое чувство“ беспокоит?»

В кругу друзей Алексей Александрович любил поспорить насчёт такого чувства.

– Оно, – говорил Чумак, – позволяет, скажем, художнику обнаружить богатейшую гармонию красок там, где никто другой, при всём желании, ничего не заметит. У каждого из нас есть голос, но не каждый умеет петь. Руки Микеланджело, вероятно, походили на мои. Но мне не создать «Давида»! Эту тончайшую способность уловить нужные пропорции, оттенки, найти главное, решающее принято считать одарённостью, талантом. Ну что ж, пусть так и называется шестое чувство человека...

Через каждые пятнадцать-двадцать минут звонил телефон. Полковнику докладывали о положении дела. Он уже знал, что с одной стороны от Забелиной сидели две девушки, с другой – влюблённая пара. Забелина фильм смотрит спокойно. Сумку держит в правой руке.

– Очевидно, встреча должна произойти после сеанса, – заметил Кочетов. – Иначе Забелина должна была купить билет на какое-то определённое место, чтобы оказаться в нужном соседстве.

– Очевидно, – безразлично произнёс полковник и опять принялся за документы.

Около девяти часов опять зазвонил телефон.

Полковник поднял трубку и кивнул головой Кочетову, чтобы тот взял наушники, подключённые к аппарату.

Майор поспешил выполнить распоряжение Чумака.

– Сеанс окончился, – услышал он приглушённый голос. – Забелина вместе со всеми зрителями покидает зал.

– Продолжать наблюдение, – приказал полковник.

Он положил трубку на рычаг, оторвал клочок бумаги и начал делить его на мелкие части, но опять раздался телефонный звонок.

– Пятый слушает, – отозвался полковник.

– При выходе из театра, – торопливо и взволнованно докладывал уже другой голос, – с Забелиной сделалось дурно. Пришлось немедленно вызвать скорую помощь. Девушка умирает.

Полковник и майор переглянулись.

– В какой руке у неё сумка?

– В правой, товарищ пятый.

Чумак бросил трубку.

– Скорее в машину, майор...

V. Исчезновение Гарри Макбриттена

Больших усилий стоило врачам отстоять жизнь Забелиной. Консилиум лучших специалистов города определил у больной чрезвычайно редко встречающуюся форму молниеносного столбняка.

Одновременно выяснилось, что днём раньше по той же причине у себя на квартире скоротостижно скончался старший бухгалтер треста водоканализации Константин Павлович Рогулин. Диагноз не вызывал сомнений. Анатомические данные свидетельствовали о крово-

излияниях в эпикарде, чрезмерном полнокровии мозга и его оболочек и других характерных патологических изменениях в организме.

– В таких случаях медицина часто оказывается бессильной, – пояснил профессор Чумаку. – Активный процесс болезни протекает в течение короткого времени, иногда исчисляемого минутами. Всё зависит от состояния и свойств организма. А так называемый скрытый период не всегда удаётся вовремя обнаружить. Тем более, если больной не обращался за помощью или советом к врачам, как это было с Рогулиным и Забелиной. Девушку спасло только то, что она очень быстро была доставлена в клинику. Однако состояние её продолжает оставаться далеко не утешительным...

Внезапная болезнь Забелиной удивила Алексея Александровича.

«Неужели случайность? – думал он... – Будто злой рок спешно вмешался в дело, чтобы спасти преступника от неминуемого провала. Чертовщина какая-то!.. Но если это не случайность, тогда... тогда покушение на убийство!.. Однако за девушкой велось наблюдение. Свидетели не подтверждают даже малейшей попытки нападения на неё... А может быть, она, испугавшись мести, сама покончила с собой? Столбняк ведь болезнь инфекционная, а эти мерзавцы могли снабдить её любым ядом...»

Узнав, что за несколько минут до смерти Рогулина навестил неизвестный гражданин, полковник заинтересовался этим обстоятельством. С места прежней работы Константина Павловича было затребовано его личное дело, познакомившись с которым Чумаку уловил в нём ряд неточностей и противоречий. Естественно, это насторожило полковника, вызвало ряд недоумённых вопросов, на которые не находилось убедительных ответов.

Было совершенно ясно, что Рогулин какой-то период своей жизни тщательно скрывал. Делалось это, очевидно, не зря. Здравый смысл подсказывал, что без умысла и крайней необходимости никто не станет неверно излагать свою автобиографию.

«Что же заставило Рогулина лгать? – доискивался ответа полковник. – Зачем к нему приходил неизвестный гражданин? Кто он? Что общего было между ними? Нет ли связи между этим посещением и скоропостижной смертью старшего бухгалтера треста водоканализации?...»

После долгого раздумья полковник назначил судебно-медицинскую экспертизу, поставив перед врачами один вопрос: «Что явилось причиной возникновения у Забелиной и Рогулина столь редкой формы столбняка?»

На квартиру Константина Павловича Рогулина были направлены криминалисты для тщательного осмотра её, а в города, где он раньше проживал, посланы запросы.

Сутки спустя произошёл случай, который, на первый взгляд, ничего общего со смертью Рогулина и болезнью Забелиной не имел.

В третье отделение милиции позвонил директор гостиницы и сообщил о том, что к нему явился руководитель иностранной профсоюзной делегации, гостящей в городе, и заявил, что один из членов её – Гарри Макбриттен – во второй половине вчерашнего дня бесследно исчез.

– Это обстоятельство очень беспокоит всех членов делегации, – сказал директор, – а потому я убедительно прошу принять самые срочные меры к розыску пропавшего.

Дежуривший старшина попросил передать руководителю делегации приглашение немедленно явиться к начальнику отделения милиции капитану Павлову и тут же по телефону известил все другие организации, которые могли оказать в этом деле существенную помощь.

Едва полковнику Чумаку стало известно о поступившем заявлении, он тут же направил в отделение милиции майора Кочетова.

– Узнайте, что там произошло, – приказал он и одновременно отдал распоряжение своему секретарю – быстрому в движениях, очень аккуратному, голубоглазому молодому человеку – немедленно представить сводку происшествий за истёкшие сутки и обзвонить по телефону все отделения милиции, станцию скорой помощи, морг, клиники, больницы.

Руководитель делегации – среднего роста рыжеволосый крепыш, на широких плечах которого пиджак свободного покроя казался тесным, – назвался Томасом Купером. Он довольно сносно говорил по-русски, что позволило без особого труда выяснить нужные обстоятельства.

Познакомившись подробно с областным центром, с его жителями, культурными учреждениями, историческими памятниками и промышленными предприятиями, делегация разделилась на две группы. Одна из них должна была совершить экскурсию по восточным городам области, другая – по северным. Оба маршрута были интересны, в каждом имелись свои «изюминки».

Гарри Макбриттену, как журналисту, разрешено было ехать с любой группой.

Страшно нерешительный, тут он совсем растерялся. Гарри никак не мог выбрать, куда направиться. Он то заявлял, что едет с первой группой на восток, то – со второй на север.

Все, конечно, много смеялись над ним, кстати, Гарри – парень не обидчивый. Однако такое непостоянство никого не удивило. Многие делегаты, даже из числа тех, кто отличался более твёрдым характером, вели себя подобным образом. Всем хотелось всюду побывать и увидеть всё собственными глазами. И это вполне естественно. Они ведь и ехали в Советский Союз, чтобы как можно больше узнать об этой удивительной и замечательной стране, где полновластный хозяин – сам народ.

Вчера делегаты отправились в путь.

Простились они у подъезда гостиницы, где их ждали автобусы, которые одних повезли на вокзал, а других по Восточному шоссе за город, прямо к пункту назначения.

Хозяева города очень тепло провожали отъезжающих. Дарили им цветы, старательно перечисляли всё то, что следовало обязательно посмотреть, давали практические советы: где и что можно приобрести.

Отсутствие Гарри Макбриттена в составе первой группы было замечено, когда поезд успел промчаться не один десяток километров.

Настроение у всех было чудесное, поэтому никто не высказывал каких-либо опасений. Каждый веселился и старался сказать что-нибудь смешное. Причём одни предполагали, что Гарри Макбриттен, по присущей ему рассеянности, сел не в тот автобус, и представляли, как он тарашил свои серовато-зелёные глаза, когда обнаружил это. Другие уверяли, что он в последний момент, собравшись ехать на восток, постеснялся сознаться в своём намерении в сто первый раз изменить принятое раньше «окончательное» решение.

Недостатка в островах не ощущалось, все много смеялись.

С вокзала группа отправилась в гостиницу. Устроившись в ней, гости сытно пообедали, отдохнули и затем охотно воспользовались любезно предоставленной администрацией возможностью поговорить по телефону со своими товарищами из второй группы.

Конечно, у всех на кончике языка был неудачник Гарри Макбриттен.

Над ним решили пошутить, твёрдо зная, что добродушный и покладистый Гарри не рассердится. В честь его был подготовлен остроумный спич. С него и начался телефонный разговор. Но довести его до конца в задуманном тоне не пришлось.

С первых же слов выяснилось, что в составе второй группы Гарри Макбриттена не было. Весёлость, приподнятость духа сменились беспокойством.

Обратным поездом руководитель делегации вернулся в областной центр.

Всю ночь, не смыкая глаз, он ждал в гостинице Гарри Макбриттена.

Наступило утро, но он не появился...

Томас Купер закончил свой рассказ и с недоумением развёл руками, давая понять, что он не знает, чем можно объяснить случившееся.

– Кто, где и когда последний раз видел Гарри Макбриттена? – спросил Кочетов.

– Вестибюль гостиница. Мы все там был... надо ехать, – старательно подбирая слова и потому растягивая их, ответил руководитель делегации.

– Вы лично его видели?

– Да, я... лично.

– Когда это было?

– Э-э... Десять и один час.

– Точнее.

Иностранец замялся, не зная, как выразить мысль. Но затем протянул левую руку, на кисти которой было нататуировано сине-зелёное сердце, пронзённое кинжалом, и пальцем указал время на циферблате своих часов.

– Одиннадцать часов десять минут, – констатировал Кочетов и спросил: – Что он делал или собирался делать?

– На киоск м-м... купить газета.

– Направлялся к киоску, чтобы купить газету, – постарался уточнить майор.

– Но, но, – возразил Томас Купер. – Гарри стоять... на киоск.

– Понятно. Он стоял возле киоска. Ну, а купив газету, куда он пошёл?

– Я не видать.

– Возможно, кто-нибудь другой видел?

– Но, – отрицательно качнул головой руководитель делегации.

– Вы не помните, какое настроение было у Гарри Макбриттена?

– О-о! – всплеснул руками иностранец и улыбнулся так широко, словно вспомнил что-то очень приятное. – Гарри всегда хороший настроение. Он много смеяться, много знать настоящий, весёлый мужской анекдот.

– Господин Макбриттен любит общество?

– Очень, очень любить.

– Вино, карты, женщин?

Томас Купер умилённо закатил глаза и многозначительно кивнул головой:

– Он понимает этот вкус.

Начальник отделения милиции покосился на Кочетова, дескать, всё ясно – загулял где-то иностранец.

Майор едва заметно улыбнулся.

«Всё может быть», – ответил его взгляд.

– Сколько лет господину Макбриттену? – поинтересовался Кочетов.

– Больше сорок, – неопределённо ответил Томас Купер, затем поспешно достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, порылся в нём и протянул майору небольшую фотографию. – Вот Гарри Макбриттен.

На фотокарточке был заснят средних лет, самодовольно улыбающийся, сероглазый блондин в очках, с большим выпуклым лбом и несколько утолщённым носом.

– Вы давно его знаете? – рассматривая фотографию, спросил Кочетов.

– Давно нет. Делегация все рабочий, ткач, строитель. Гарри журнал... корреспондент. Приезжай домой, писать наша СССР.

– Так, так. Значит, господин Макбриттен журналист. Он должен описать вашу поездку по Советскому Союзу.

Руководитель делегации, довольный тем, что его легко понимают, осклабился.

– У господина Макбриттена есть знакомые в городе? – поинтересовался майор.

Томас Купер широко раскинул руки.

– Очень, очень много! Вся город!

– Я имею в виду близких знакомых, – заметил Кочетов.

– Но, но.

– Ну, а сами вы что думаете по поводу исчезновения господина Макбриттена?

Иностранец недоумённо приподнял брови и растопырил пальцы:

– Я ничего не знать.

– Быть может, у вас есть какие-то предположения?

– Но.

– Скажите, пожалуйста, господин Макбриттен один уходил из гостиницы или всегда с ним бывали члены делегации? – осведомился начальник отделения милиции.

– О да, уходил один, уходил с членами делегации. Всё было.

– Часто он уходил один?

– Часто. Профессия Гарри – всё смотреть. Ему писать надо...

Воспользовавшись тем, что словоохотливый Томас Купер увлёкся разговором, Кочетов вышел в соседнюю комнату, в которой никого не оказалось, и позвонил по телефону.

– Пятый, – попросил он телефонистку и, услышав голос Чумака, доложил ему суть дела.

– Так-таки руководитель делегации ничего не может сказать и никаких у него нет предположений? – переспросил полковник.

– Он так заявляет.

– Странно и... и загадочно, – с расстановкой произнёс полковник.

– Я думаю, надо начинать с гостиницы, – предложил Кочетов.

– Правильно, – согласился Чумака. – Отправляйтесь на место, людей я подошлю.

– Слушаюсь.

Вернувшись в кабинет, Кочетов подошёл к иностранцу и с твёрдым убеждением сказал:

– Господин Купер, ваш товарищ будет найден. Успокойте членов делегации.

– О, я знаю, вы скоро находите. ОГПУ!.. Я будет посылать телеграмма, – обрадованно воскликнул иностранец.

– Ну, а пока нам необходимо осмотреть номер, который занимает Гарри Макбриттен.

– Пожалуйста, – любезно согласился руководитель делегации.

– Если вы не возражаете, в гостиницу мы поедем вместе. Автомашина ждёт внизу.

– С большой удовольствием, – широко улыбнулся Томас Купер и двинулся к двери. – Я будет ждать низ.

– Мы идём следом, – снимая с вешалки свой плащ, поспешил заявить Кочетов.

– Что скажете по этому случаю, товарищ майор? – спросил начальник отделения милиции, когда они остались одни.

– Скажу, товарищ Павлов, что наш город не джунгли и ни одна из улиц его не носит названия Бродвей.

– Это, конечно, бесспорно. Но с фактами мы всё же считаться должны. Гарри Макбриттен исчез... А вы заметили, иностранец довольно хорошо говорит по-русски, – сказал Павлов, выходя с майором из кабинета.

– Да, запас слов у него большой, – согласился майор и уже в автомашине спросил вдруг Томаса Купера: – Где вы изучали русский язык?

Купер немного ступешался, но ответил быстро:

– Свой родина. Наш двор живёт русский семья. Он уехал из Россия, когда произошёл революция. Здесь оставался очень большой завод.

– Подходящие учителя, – не выдержав, иронически усмехнулся Павлов. – Они многому научат...

VI. В поисках следа

В вестибюле гостиницы Кочетова встретили посланные полковником стройный, щеголеватый лейтенант Рудницкий и молчаливый, угрюмый на вид эксперт Михаил Тимофеевич Зарубин с потёртым чемоданчиком в руке и фотоаппаратом «Зоркий», болтающимся на длинном, тонком ремешке, перекинутом через левое плечо.

Рудницкий был молод, хорош собой и, как говорили товарищи, «ходил в женихах». Желая казаться серьёзным, он старательно хмурил брови, но в карих глазах его непрестанно искрилась радость, а на чуть припухших, красиво очерченных губах то и дело появлялась улыбка. Приятно, конечно, любить и быть любимым...

Будущий тесть – полковник Чумак – с недоумением пожимал плечами:

– И что моя Елена нашла в нём? Не глуп, дисциплинирован, исполнитель – всё это верно, но... сверчок. Чисто сверчок! Так вот и кажется, сейчас черкнёт себя локтем по боку и застрекочет, – говорил он и заразительно смеялся. – А может, и я таким был, когда женихался? Себя-то ведь не видно...

Серое, худощавое, рассечённое глубокими морщинами лицо Зарубина всегда хранило выражение суровости. Однако характер у него был на редкость добрый и отзывчивый.

На иждивении Михаила Тимофеевича находилась своя большая семья и трое детей погибшего в войну младшего брата. Мать их немногим пережила своего мужа.

В доме Зарубиных вечно чего-нибудь не хватало, а сам он постоянно заботился то о пальтишке для сына, то о ботинках для племянницы.

Обменявшись со своими помощниками несколькими словами, малозначащими для постороннего уха, Кочетов глянул на прилавок, за которым пожилая женщина с гладко зачёсанными седыми волосами продавала газеты, журналы, открытки, брошюры, и обратился к Томасу Куперу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.